

13 1 МАР 1982

Комсомольская правда
г. Москва

МУДРОСТЬ СКАЗОЧНИКА

²²⁰⁷
Исполняется 100 лет со дня рождения К. И. Чуковского

туры, то вижу перед собой его глаза!

Помню свой приезд в Переделкино. Даже зимой Корней Иванович работал на свежем воздухе. Его рабочее место было на террасе, он сидел в пальто, ноги укрыты пледом — и работал. На этой террасе я читал стихи, а Корней Иванович слушал меня, наклонив голову набок, и выражение его лица было таким, словно он произносил: «Да, да, да! Скажите, пожалуйста! Вот оно что!» А мне, по молодости лет, казалось, что Чуковскому очень нравятся мои стихи. Однажды он написал мне письмо, в котором были такие вот строки: старик Чуковский Вас заметил и, в гроб сходя, благословил...

Теперь мне кажется, что это был каламбур, не более. А главное, что после этого Корней Иванович прожил еще два десятка лет.

Белинский называл детских писателей — детским празд-

ником. Как точно подходит Корнею Ивановичу это определение! Я не могу назвать ни одного детского писателя, равного Чуковскому по его прекрасным фантазиям, по его пониманию маленького человека. Недаром стихи Чуковского первыми встречают ребенка на пороге литературного дома.

Я не боюсь сказать, что Чуковский, как детский поэт, энциклопедичен. Он, именно он знакомит маленького человека с благородством, и с жалостью, и с товариществом, и с взаимопомощью, и с честотой, которая у детей начинается с чистых рук, а уже позднее переходит в чистую совесть.

Моей второй книгой была поэма Корнея Чуковского «Крокодил». До сих пор помню строки из этой прекрасной поэмы — из этой моей первой Одиссеи:

Жил да был
Крокодил,

Он по улицам ходил,
Папиросы курил,
По-турецки говорил, —
Крокодил, Крокодил
Крокодилович!

Эти стихи звучат как пароль моего детства! И тут нередко мной возникает «доблестный Ваня Васильчиков», который не побоялся ни крокодила, ни полчищ злых зверей, который спас девочку Лялю, похищенную гадкой гориллой. Каждая страница этой книжки захватывала и волновала меня, мне хотелось быть похожим на Ваню.

Советская поэзия для детей богата прекрасными мастерами, но можно смело сказать, что так глубоко проникнуть в возраст «от двух до пяти», как К. Чуковский, редко кому удалось. Да поэты, возможно, и не ставили такой задачи.

Я помню, с каким восторгом читал мне Корней Иванович традиционную считалку про зайчика, вышедшего погулять, которую смело перера-

ботал маленький одаренный мальчик. Этому мальчику очень не хотелось, чтобы зайчик умирал. И он переделал считалку по-своему: «Не раз, не два, не три, не четыре, не пять — не вышел зайчик погулять». И считалка заканчивается так: «Не пиф, не паф, не ой-ей-ей, не умирает зайчик мой!»

Корней Иванович был рожден детским писателем. И, может быть, раньше всех это почувствовал М. Горький. У Чуковского всегда были на памяти слова великого друга, произнесенные им в 1916 году в поездке, следующем из Петербурга в Куоккалу — писатели ехали в гости к Репину: детскую литературу у нас делают ханжи и прохвосты... Сейчас одна хорошая детская книга делает больше добра, чем десяток полемических статей. Если вы в самом деле хотите, чтобы эта гниль уничтожилась, не бросайтесь на нее с кулаками, а создавайте нечто

свое, настоящее художественное, и она сама собой рассыплется. Это будет лучшая полемика — не словом, а творчеством.

Жизнь Корнея Ивановича Чуковского была чрезвычайно интересной и емкой. Писатель пережил три русских революции, две мировых и гражданскую войны. В числе его друзей не один десяток выдающихся людей. И сам он был человеком острого ума, огромной эрудиции, завидного обаяния, общественного темперамента, он был крупным ученым, знатоком русской литературы XIX века. И все это не только не отвлекало его от служения малышам, напротив, помогало глубже и ярче раскрыться его таланту. Он был не только известным, популярным детским писателем, но любимым и необходимым дедушкой Корнеем. Его книги для малышей стали частью сокровищницы народной культуры.

Юрий ЯКОВЛЕВ.